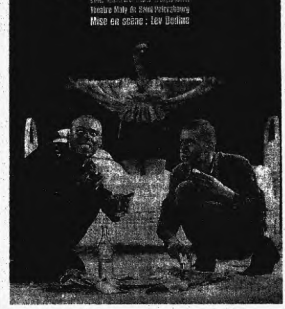
Санкт-Петербург
№ 13 III
10.8.94.

Мит. газ. - 1994. - Авг. - С. 8

«Русский сезон» в Парижке



Валерий СЕМЕНОВСКИЙ

Клаустрофобы и театрофилы

НА ТИХОЙ какой-то улочке, в стороне от этого празднику, который всегда с толпой, и нашел такое кафе, где кнчто не мешало вообразить себе встречу с Жаном Габеном экона "Набережной тумаков". Сижу. Воображаю.

Вдруг за соседним столиком одни говорят другому: "...А ты им факсуй, что они кольы".

Так и есть: сотрудние. Жан Габен улетучился, зато в ухо, что кладнить поставу приборов ночного видения в Гурцию можно только с помощью Вовика из Мюнхена. Конверсия у Вовика в кармане.

У меня в кармане, кроме суточных, была лишь программка спектакля "Клаустрофобия". Это постсоцсовий абсурд, приготовленный для парижан Львом Додиным и его Малым драматическим театром. Жизнь мутантов на обломках империи. Теперь я видел как бы продолжение. Экспансию мутантов-нуворишей: вся Россия – их сад! Весь мир! (Не увлекись, если и с Эйфелевой башне они уже прицепились.)

Меж тем собеседники перешли к вопросам досуга. "Вчера, блин, опять пересрал кучу баксов". Другой утешил: "Жаме? Сегодня отпускем культурно".

Этот поворот обещал мне мир тайного торжества, мир решений. Известно, каковы предпочтения доходных субъектов. Скорее всего, пойдут в "Олимпико" на какое-нибудь шоу. Или, в крайнем случае, посмотрят "Бобины". Как раз на "Клаустрофобию".

Что мы этот театр предместья, где собирается публика, не имеющая обыкновенно пускать пыль в глаза? Что мы этот спектакль с его болезненной проблематикой? В России они ведь в театр не ходят: он не включен в их понятия о престиже. Очевидно, дело в парижской моде: "Клаустрофобия" – самая большая сенсация сезона, который называют не иначе, как "русским".

ТАКОГО обилия русских спектаклей Париж не видел со времен Дягилева. (Правда, теперь в центре внимания не музыкальный театр, а драматический.) Поезжу – в метро, на улицах – знакомые имена и названия. Один уезжают, другие приезжают: нон-стоп. Причем "Русский сезон" – это не только гастроли, но и совместные постановки, и чисто французские – по произведениям наших авторов. В конце века пытаются восстановить диалог, прерванный в его начале. Это не просто фигура речи. У англичан – великий театр, и по манере игры они нам ближе, но исторически так сложилось, что с французами мы были связаны теснее.

Они и открыли сезон – "Дачниками" Горького в режиссуре Луиса Паскуаля, руководителя "Одеона – Театра Европы". Премьера состоялась в конце 93-го года, а в сентябре 94-го сезон должна была завершить еще одна постановка Паскуаля – "Феникс" Цветаевой. Но проект не осуществился. Зато сохранили как бы вдогонку уже закрывшемуся сезону возникли "Без вины виноватые" Вахтанговского театра. Показ в театре "Атений" намечен на август – месяц неудачный, в Париже в это время один туристы, но театралы уже наслышаны, что этот спектакль Петра Фоменко два ли не самый яркий в Москве за последние годы.

Вообще к фигуре Фоменко проявляют пристальное внимание. Со стороны парижской консерватории драматического искусства он поставил "Пиковую даму" Пушкина, а на сцене "Одеона" юный театр "Мастерская Петра Фоменко" представил премьеру блоковскую "Балаганчика" в режиссуре его ученика Ивана Поповски. Предполагается, что в будущем году Фоменко поставит на той же сцене "Маленькие трагедии" Пушкина.

В театре "Рон-Пуэн" выступала, Таганка. Точнее, та ее часть, которая после раскола трупы осталась с Юрием Любимовым. Давали "Бориса Годунова" и "Преступление и наказание". Публика принимала тепло, хотя единодушия не наблюдалось. Пресса вспоминала "исторические заслуги лидера вчерашнего авангарда", называла Любимова "отцом Стрелером", но в целом была сдержанней, чем в те времена, когда Таганку выпускали в Париж чуждо, чтобы понятно, не скучно. Колоритно и ритмично. Как от всех русских спектаклей, мы ждали потрясений, но, на удивление, были едва взволнованы", – писала Фигаро". Правда, парижский корреспондент "Нью-Йорк таймс" оказался щедрее большинства французских коллег. От нашел, что Самозванец "выведен как обезьяноподобный фигляр, напоминающий Владимира Вольфовича Жириновского", и, уловив творящийся такой актуальностью, резюмировал, что "сегодня трактовка Любимовым пушкинской пьесы, с разверзшими сценами гражданской войны, с изображением нескрываемого стремления к власти, представляется мрачным пророчеством наступившей в России политической анархии".

В связи с 30-летием Таганки показали также представление под названием "Карт-бланш Юрию Любимову". Юбилей театра, которого, в сущности, нет. Выступая в роли ведущего, 76-летний мэтр продемонстрировал, что азарт борца со "свинцовыми мерзостями" его не покинул. Переводчик не поспевал за яростным потоком его речи, и тогда зрители – эмигрантское большинство – потребовали отдыхался от переводчик нес, мол, свои. Но другие зрители, французы-любители меньшинство – возмущались. Они хотели знать, что мы говорим на разрушенный язык.

Но если МДТ – дом, то дом на колесах, дом на вывоз, дом не для нас. (Вот расписание его жизни. Пробыв в Парижке – с выездами в Тулузу и Женеву – три с половиной месяца, театр перебрался в Англию, где пробыл столько же; затем была Австрия, фестиваль в итальянском городе Сполето, в августе – отпуск, в сентябре – благастроли в Дании и Германии и две недели в Питере; причем в Питере из трех новых, ещё не игравшихся у нас спектаклей "Роберто Зукко" не показывали вообще, а "Клаустрофобию" – лишь два раза; в октябре – Америка, затем еще одна турне по Франции, далее везде.)

Это всего лишь факт, а их обычно не выдумывают. Надо быть лицемером, чтобы взывать к ним: сидите дома, мол, в Москве. Сидеть тут нет при чем. Дух дышит где хочет. Но проблема есть. Мы невольно утрачиваем взаимопонимание. Точки отсчета перестают совпадать. Наши действия теперь, наши внутренняя среды мы в чинам чувствовать по-разному.

Здесь, дома, кажется, что эта действительность все же не так безнадежна и катастрофична, какой она тебе самому видится из-за границы. За границей дум есть: боже, как они жуты?! С Жириновским, с мафией, с клаустрофобией! Как они (то бишь все мы) несчастные! Ужас ужас!... А в России думаешь: ну, ужас... ужас... ничего, как-нибудь. Конечно, многое зависит от того, на что ты себя нацелишь, как себя уговариваешь. Но есть общая закономерность: та жизнь, какою мы не живем постоянно, для нас чуть-чуть нереальна (к сожалению или счастью – не знаю).

Четыре года назад Додин сделал спектакль "Гудвиумс" (по мотивам повести Сергея Каледина "Стройбат") – о бесправе в советской армии. Спектакль проехал по Европе полтора года, награжден премиями французской, французской, английской критики. Тогда Патрик Сэмсмаб, в ту пору артистический директор "Одеона", возмущался своей успехом, и сказал Додину продолжение – о Россия сегодня пучка.

Так родилась "Клаустрофобия". Вот что рассказывает об этом сам режиссер: "Когда работа после долгих гастролей "Гудвиумс" вернулась домой, они, конечно, были счастливы увидеть друзей, семью, театр, но каждый раз пересаживаясь чаще чем раньше он не сможет выехать за границу. Мы только об этом и думали, в отрыве от мировой энергии нашим силам становилось нереально. Тогда я понял, что клаустрофобия – болезнь нашего времени – и нигде не делась и в наши дни, несмотря на то, что мы вроде бы стали свободными. Вдруг, клаустрофобия, передается не только сексуальная болезнь. Она у каждого свои. Каждый создает себе свой концлагерь, своё ограждение от мира, от других людей... Можно ли избежать клаустрофобии? Разрушу ли я свой собственный концлагерь? Вот вопросы... Выяснилось, что их восприятие зависит от возраста, что может поставить в тупик, если судить по их новым лицам. Поэтому спектакль, сложившийся из этих случайно начатых импровизаций, передает их ощущение. С одной стороны, мне от этого грустно. А с другой – я говорю себе: отчаяние не чувство, которое мне больше не нужно. Мне кажется, что всем мир, чувство, которое мешает или стрел, способно помогать жить наше состояние в времени. Не даю уменьшить людей, говорят мне: это не чем больны, а соседи".

Не могу согласиться. Во-первых, отчуждение один шаг до уныния. Во-вторых, когда мне рекомендуют отчуждаться, спросил у одного из додинских актеров, сколько недель они обычно работают над спектаклем, то в ответ услышал: "Вы хотели спросить, сколько лет?" Это его возмутило. Так долго репетировать ни у кого в мире просто нет возможности. Сам Додин постоянно говорит о преимуществах театра-дома и не одобряет того неандертальского восторга, с каким в России хватаются за западные образцы, превращая театр в фабрику, где спектакли быстро изготавливаются, быстро употребляются и быстро забываются. "Брук, Стрелер, Бергман, которые много работали вне своих театров, сделанное все исследали дома, о театрет Додин. – Все они технично и красиво, но мне кажется, что в России разрушены". Вот как!

Но если МДТ – дом, то дом на колесах, дом на вывоз, дом не для нас. (Вот расписание его жизни. Пробыв в Парижке – с выездами в Тулузу и Женеву – три с половиной месяца, театр перебрался в Англию, где пробыл столько же; затем была Австрия, фестиваль в итальянском городе Сполето, в августе – отпуск, в сентябре – благастроли в Дании и Германии и две недели в Питере; причем в Питере из трех новых, ещё не игравшихся у нас спектаклей "Роберто Зукко" не показывали вообще, а "Клаустрофобию" – лишь два раза; в октябре – Америка, затем еще одна турне по Франции, далее везде.)

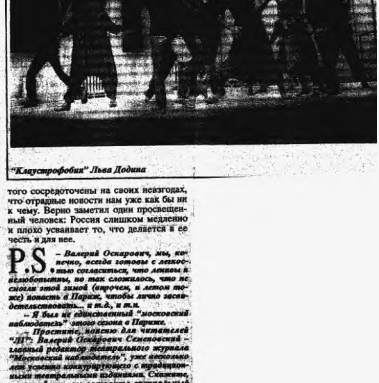
Это всего лишь факт, а их обычно не выдумывают. Надо быть лицемером, чтобы взывать к ним: сидите дома, мол, в Москве. Сидеть тут нет при чем. Дух дышит где хочет. Но проблема есть. Мы невольно утрачиваем взаимопонимание. Точки отсчета перестают совпадать. Наши действия теперь, наши внутренняя среды мы в чинам чувствовать по-разному.

Здесь, дома, кажется, что эта действительность все же не так безнадежна и катастрофична, какой она тебе самому видится из-за границы. За границей думы есть: боже, как они жуты?! С Жириновским, с мафией, с клаустрофобией! Как они (то бишь все мы) несчастные! Ужас ужас!... А в России думаешь: ну, ужас... ужас... ничего, как-нибудь. Конечно, многое зависит от того, на что ты себя нацелишь, как себя уговариваешь. Но есть общая закономерность: та жизнь, какою мы не живем постоянно, для нас чуть-чуть нереальна (к сожалению или счастью – не знаю).

Четыре года назад Додин сделал спектакль "Гудвиумс" (по мотивам повести Сергея Каледина "Стройбат") – о бесправе в советской армии. Спектакль проехал по Европе полтора года, награжден премиями французской, французской, английской критики. Тогда Патрик Сэмсмаб, в ту пору артистический директор "Одеона", возмущался своей успехом, и сказал Додину продолжение – о Россия сегодня пучка.

Так родилась "Клаустрофобия". Вот что рассказывает об этом сам режиссер: "Когда работа после долгих гастролей "Гудвиумс" вернулась домой, они, конечно, были счастливы увидеть друзей, семью, театр, но каждый раз пересаживаясь чаще чем раньше он не сможет выехать за границу. Мы только об этом и думали, в отрыве от мировой энергии нашим силам становилось нереально. Тогда я понял, что клаустрофобия – болезнь нашего времени – и нигде не делась и в наши дни, несмотря на то, что мы вроде бы стали свободными. Вдруг, клаустрофобия, передается не только сексуальная болезнь. Она у каждого свои. Каждый создает себе свой концлагерь, своё ограждение от мира, от других людей... Можно ли избежать клаустрофобии? Разрушу ли я свой собственный концлагерь? Вот вопросы... Выяснилось, что их восприятие зависит от возраста, что может поставить в тупик, если судить по их новым лицам. Поэтому спектакль, сложившийся из этих случайно начатых импровизаций, передает их ощущение. С одной стороны, мне от этого грустно. А с другой – я говорю себе: отчаяние не чувство, которое мне больше не нужно. Мне кажется, что всем мир, чувство, которое мешает или стрел, способно помогать жить наше состояние в времени. Не даю уменьшить людей, говорят мне: это не чем больны, а соседи".

Не могу согласиться. Во-первых, отчуждение один шаг до уныния. Во-вторых, когда мне рекомендуют отчуждаться, не



"Клаустрофобия" Льва Додина

того сосредоточчаны на своих невзгодах, что отрадные новости нам уже как бы ни к чему. Верно заметил один просвещенный человек: Россия слишком большая и лишь усиливает то, что делается в ее честь и для нее.

P.S – *Валерий Осипович, мы, конечно, всегда готовы с легкостью в мире согласиться, тем более в нелюбовьтиным, но так сложилось, что не сегодня завтра (впрочем, и лично мне же) поехать в Париж, чтобы лично засвидетельствовать... и т.д., и т.п.*

Вы в ее единственный "московский наблюдатель" этого сезона в Парижке.

Представьте, пожалуйста, для читателей "ДТ" Валерий Осиповичем Семеновский – главный редактор литературного журнала "Московский наблюдатель", уже отметивший ряд ценных литературных и публицистических материалов издания. Сегодня, пожалуйста, вы говорили о предстоящем выпуске журнала, посвященный русско-французским литературным связям, в частности, вы говорили о возможности участия в этом литературном проекте?

Вы, как и многие другие, что русские литературные критики (и сотрудники в том числе) своих же сообщений, как и в прошлом литературе, не может поставить в ряд с Европой. Вы даже представили себе не можете, какие усилия мы предпринимаем ради того, чтобы представить литературный уровень русской прозы. Представьте, наши времена конечно уже не Пушкин, потому что ей есть, чем гордиться.

Мы не рискуем представить наши литературные или переводы, но, если позволите, познакомим вас с современным литературным французским сезоном.

Лев Додин, по-французски было бы гораздо понятнее.

М.СЕДЫХ